

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

УДК 316.42:372.8(470)

© Скуфьина Т.П.

Размышление о проблемах социального развития, инновациях и преподавании экономических дисциплин*

Статья посвящена рассмотрению проблем, препятствующих инновационному развитию России. Приводятся статистические данные, негативно характеризующие психологическое состояние и социальную сферу современного российского общества. Обсуждается неопределенность ценностных ориентиров в практике государственного управления. Определяется, что закономерные демографические проблемы порождают экономические и геополитические проблемы. Разрешение этих проблем возможно только движением по пути инновационного развития. Определяется специфика понимания инновационного образования. Рассматривается действительное место инновационного образования в системе подготовки кадров, в том числе и кадров по управлению и экономике. Обсуждаются потенциальные проблемы экономики как науки.

Социальные проблемы, инновационное развитие, инновации в преподавании, проблемы науки экономики.

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН
skufina@iep.kolasc.net.ru

В последние годы слово «инновации» стало популярным в исследованиях по обществоведению, «модных» в СМИ. Это следствие ключевого значения термина в формальных документах, касающихся социально-экономического развития России и ее регионов.

Основополагающий характер этого термина для декларированных приоритетов современного и будущего развития России входит в некоторое противоречие как минимум с двумя факторами.

Во-первых, с устойчиво низкими качественными характеристиками жизни

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Информационно-коммуникационные технологии в региональном пространстве и их влияние на социальное и экономическое развитие субъектов РФ», проект № 11-06-00110-а.

россиян, включающими плохие условия труда, низкий уровень развития здравоохранения, недостаток потребления полноценных продуктов питания, плохие жилищные условия и т.п.¹

В данном случае противоречие обусловлено тем, что критерии инновационного развития подразумевают высокий уровень развития человеческого капитала, важнейшей составляющей которого является качество жизни населения.

Во-вторых, в практике государственного управления не проявляются четко ни критерии социальной справедливости (подразумевается выравнивание социально-экономических условий жизни и возможностей населения), ни критерии экономической эффективности (подразумевается существенная зависимость между экономическими и социальными результатами жизнедеятельности субъектов).

Поясним. Базовым количественным критерием результативности политики «выравнивания» является индекс концентрации доходов (индекс Джини). По этому индексу (0,4) Россия устойчиво занимает 1 место среди стран с развитой и переходной экономикой. Не менее иллюстративны и децильные отношения, демонстрирующие последовательный рост разрыва от 3-х (период СССР) до 17 раз (2010 г.).

¹ Для примера рассмотрим обеспеченность жильем в России. Средняя обеспеченность россиян жильем, по данным Росстата на начало 2010 г., составляет 22,4 кв. м на 1 чел. Для сравнения: в Европе — 40 — 60 кв. м на чел., в США — 70. Отметим, что приведенная статистика плохо сопоставима с российской. Так, в развитых странах помещения без канализации, водопровода, горячего водоснабжения не включаются в жилые помещения. Что касается России, то в среднем по стране доля комплексно благоустроенного жилья (оборудованного одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами) составляет 61,4%. На начало 2010 года численность населения, проживающего в жилых помещениях, не оборудованных водоснабжением, составляет 31 млн. чел. (21,8% от общей численности населения), водоотведением — 37 млн. чел. (26,0%), отоплением — 24 млн. чел. (16,9%), горячим водоснабжением — 49 млн. чел. (34,5%).

Что касается нарушения принципа экономической эффективности, то это проявляется, в частности, в существенном увеличении числа успешных представителей среднего бизнеса, готовых уехать из страны. Другой пример: с точки зрения пространственного развития тревожными являются выводы исследователей о слабой связи между социальными характеристиками и экономическими результатами деятельности субъектов РФ [1, 2].

Особенно явно данная особенность проявляется в регионах Севера (подробнее см. [3, с. 113-135]). Повышенные потребности северян в услугах здравоохранения, усиленном питании, одежде и т.д. порождают усиленную обеспокоенность нарушением согласованности экономических и социальных изменений.

Диспропорции между экономическим и социальным развитием проявляются и в страновых показателях. Так, по данным за 2010 г., Россия занимает среди 146 стран мира 50 место по уровню экономического развития (рассматривается ВВП на душу населения), а по индексу социального развития (композитный индекс, включающий уровень реальных доходов, образования, продолжительность жизни) — 65-е. При этом ситуацию с композитным индексом явно спасает уровень образования (40-е место).

В свете второго выделенного нами фактора противоречие обусловлено тем, что инновационное развитие — это очень дорогой путь развития, требующий предсказуемости государственной экономической политики. Очевидно, что успешное движение по инновационному пути предполагает как минимум установление четких критериев социально-экономического развития.

Отсутствие в практике управления устойчивых ценностных ориентиров приводит к отсутствию внятных целей общественного развития, закрепляет нездоровое психологическое состояние населения — неразрывную составную часть качества жизни населения.

В связи с этим закономерны проблемы, являющиеся базовым предметом исследований психологов и социологов, — массовое чувство социальной несправедливости, неуверенности в будущем, безразличие к собственной и чужой жизни, распространённость депрессий, страхов, дефицит этнической толерантности, разрушение традиционных ценностей и т.д.

Некоторые показатели, характеризующие психологическое состояние и социальную сферу современного российского общества, приводятся в исследованиях Института психологии РАН: смертность от самоубийств — 30,1 на 100000 жителей (2 место в Европе после Литвы); смертность от случайных отравлений алкоголем — 23,1 на 100000 жителей (1 место в Европе и СНГ); смертность от дорожно-транспортных происшествий — 17,5 на 100000 жителей (3 место в Европе и СНГ после Литвы и Латвии); естественный прирост населения — 4,5 на 1000 жителей (одно из последних мест в Европе перед Болгарией и Украиной); число детей, оставшихся без попечения родителей, — 89 на 100000 жителей (2 место в Восточной Европе и СНГ после Литвы); число абортёв — 40,6 на 1000 женщин в возрасте 15 — 49 лет (1 место в Восточной Европе и СНГ); индекс коррупции (измеряется в пределах 0 — 10 баллов: чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности) — 2,3 (143 позиция в мире, наряду с Гамбией, Индонезией, Того, из 180 возможных).

Перечисленные показатели дополняются и другими данными: ежегодно 2000 российских детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; каждый год 5000 россиянок гибнут от побоев мужей; 1,5 млн. детей школьного возраста не посещают школу; в России 40000 несовершеннолетних заключённых, что в 3 раза больше, чем в СССР в начале 1930-х гг. (подробнее см. [4]).

Закономерным результатом низкого качества жизни и психологического здоровья населения РФ является чрезвычайно низкая ожидаемая продолжительность жизни (последнее место среди стран с развитой и переходной экономикой). В 2009 г. ожидаемая продолжительность жизни составила в среднем 68 лет (для мужчин — 62 года, для женщин — 74 года).

Каждый из обсуждаемых показателей — это не только неутешительный итог управления социальным развитием. Каждый из них порождает и проблемы экономического развития.

По прогнозам Росстата, с 2011 по 2020 год население трудоспособного возраста сократится в РФ более чем на 20 млн. человек (т.е. по миллиону человек ежегодно).

И именно этот демографический вызов говорит о том, что единственным шансом страны на развитие, сохранение территориальной целостности является инновационное развитие.

Исследования показывают, что возможности инновационного развития у России пока еще существуют (см., напр., [5]). Судьба важнейших отраслей промышленности зависит в первую очередь от того, что удалось сохранить в системе науки и высшего образования.

Остановимся на проблемах преподавания. В последние годы термин «инновационное образование» или, в зависимости от контекста, «инновационные образовательные технологии» стал чрезвычайно популярным, встречаясь буквально повсеместно: в органах государственной власти, образовании, науке, средствах массовой информации.

Вот здесь и возникают вопросы. Что следует считать инновационной образовательной технологией? Какое место она действительно занимает в системе подготовки кадров, в том числе и кадров по управлению и экономике?

Не является ли этот термин результатом простого переноса «модного» термина на все тот же типовой образовательный процесс (по аналогии с тем, как ранее появились, например, «нанокорма» и другие «наносуществующие» предметы)?

Обратившись к результатам обсуждений на конференциях, ряд из которых был посвящен непосредственно инновационному образовательному процессу (см., напр., [6]), к информации, представленной на сайтах вузов (см., напр., [7]), в научных публикациях (см., напр., [8]), можно утверждать, что в целом понимание достаточно единообразное, несмотря на типовую попытку уйти в поистине бесконечное обсуждение возможных толкований терминов «инновации», «образование», «технологии» и специфики, порождаемой перестановкой этих слов (см., напр., [8]).

Информативно это типовое понимание можно представить следующей цитатой: «Современные инновационные образовательные технологии предполагают максимальное использование в учебно-воспитательном процессе технических возможностей получения, обработки, передачи и хранения информации. Так при изучении иностранных языков широко применяются диктофоны, что позволяет повысить интенсивность процесса обучения» [7].

Наверное, обсуждать такую трактовку инновационности не стоит. Но не стоит ее и осуждать. К сожалению, действительно, включение «модных» слов-мантр позволяет повысить шансы, например, на получение финансирования конференции, обезопасить обеспечение вуза бюджетными местами и т.д.

Акцент в настоящей работе делается на экономике в связи с тем, что в последние годы наблюдается некое странное отношение к ней. Например, после высказывания Президента РФ Медведева

о достаточности числа экономистов и юристов в России, традиционно для современной системы управления, количество бюджетных мест по соответствующим специальностям сократилось. Вместе с тем именно эти направления наиболее востребованы на рынке труда РФ. Так, семь из десяти наиболее востребованных в 2010 г. специальностей непосредственно связано с экономикой и юриспруденцией².

Кроме того, очевидно, что инновационное обновление страны немислимо без качественного менеджмента, без грамотных экономистов. А эта грамота является продуктом преимущественно типовых технологий обучения, применяемых, в частности, в развитых странах, где подготавливаются лучшие в мире экономисты, коммерческие менеджеры и государственные управленцы.

Поэтому предлагаем поговорить о проблемах, имманентно присущих самой экономике, определяющих и проблемы преподавания. Причем сразу хотелось бы оговориться, что это не будет отчетом о выполненном, строго аргументированном научном исследовании, скорее это некое размышление о специфике экономики как науки и преподавании экономических дисциплин.

Экономические дисциплины крайне разнообразны. Однако экономике как особому направлению общественных наук присущ ряд потенциальных проблем и характерных черт.

² Первая десятка в рейтинге специальностей, востребованных на российском рынке труда: 1) финансы, бухгалтерский учет; 2) банки и инвестиции; 3) юриспруденция; 4) IT и телекоммуникации; 5) лингвистика, переводческая деятельность; 6) экология и природопользование; 7) экономика и управление на предприятии; 8) маркетинг, реклама, PR; 9) кадровое дело, HR; 10) транспорт, логистика. Рейтинг составлен исходя из анализа количества вакансий за 2010 год, опубликованных на портале www.jobsmarket.ru (около 600 тыс. вакансий по РФ в исследовании) [9].

Первая особенность – широкий предмет. И даже не только предмет, но и контур, окружающая среда предмета. То есть экономика обязательно включает в себя целый комплекс знаний об истории, этнографии, геологии, о всём том комплексе реалий, что влияют на экономические процессы и во многом объясняют их. И вот здесь возникает целый спектр проблем для преподавания, связанных с необходимостью удержать именно экономическое содержание курса, но в то же время дать комплексный, полидисциплинарный взгляд на действительность.

В связи с этим, конечно, позитивно, что сейчас учебный план занятий можно составлять не только из обязательных учебных дисциплин федерального компонента, но и дополнительных курсов. Это позволяет дать студентам знания, актуальные для конкретного, допустим, региона или значимые в плане конкретной социально-экономической обстановки. Но даже в рамках составленного курса определенную опасность представляет и то, что именно личность преподавателя может гипертрофировать одну составляющую влияния экономических процессов и пренебречь другой.

Позитивно в части решения этой проблемы и то, что сейчас в ряде вузов ведут подготовку узких специалистов (например, менеджер химической промышленности и т.п.).

Эта особенность, т.е. «широкопредметность», комплексность экономики, тесно связана с другой проблемой – «проблемой смещения» [5]. Связана с тем, что экономика в целом как наука и ее частная составляющая – базис, экономическая теория – представляет собой огромное количество пластов, наслоений различного рода воззрений и объяснений экономических процессов, исходящих из разных, нередко противоположных оснований, дающих огромное, труднопознаваемое количество переплетений кривых многообразных процессов.

В результате, допустим, рассматривая экономическую теорию марксизма, преподаватель акцентирует внимание именно на трудах и воззрениях Маркса, оставляя в стороне ленинизм, более поздние попытки модернизации Маркса 30-х – 80-х гг. XX в. (Робинсон, Моришима, Вайцзекер, Самуэльсон и др.). Или, например, та же теория размещения, как правило, отсутствует или крайне скупо освещена в классических зарубежных учебниках. Хотя, несомненно, этот предмет не только интересен сам по себе, но и является, по сути, основой теории урбанизации и региональной экономики.

Другая сторона проблемы смещения – это невольное навязывание собственных, в том числе и политических, воззрений при раскрытии предмета экономической теории. Дело в том, что даже в самом чистом виде экономическая теория неявно содержит «политические примеси», тем самым работая на политическую пропаганду того или иного типа. И как говорил М. Блауг, «этот элемент пропаганды – неотъемлемая часть предмета, и даже когда мыслитель усердно сохраняет чувство олимпийской беспричастности, философские и политические предпочтения присутствуют в самом начале анализа при формировании того, что Шумпетер определил бы как «видение», имея в виду преданалитический акт выбора определенных черт реальности для рассмотрения.

Здесь проблема не в отрицании наличия пропаганды, а в отделении научных идей от идеологии, в которую они постоянно включены, и в представлении этих идей для научной проверки с целью их утверждения. Более того, пропаганда – это не то же самое, что ложь; к примеру, сказать, что Карл Маркс хотел дискредитировать капитализм и начал с предубеждений в отношении его недостатков, не означает, что по этой причине его анализ ничего не

стоит, политические предрассудки могут даже помогать научному анализу – критик капитализма, скорее всего, обратит больше внимания на действительные недостатки системы, и, конечно, не случайно замечания того же Маркса по поводу экономических циклов на пятьдесят лет опередили его время» [11, с. 5].

Поверхностный взгляд показывает, что фактически проблема для преподавателя заключается в балансе между собственными предпочтениями дать студентам побольше материала о принимаемых и разделяемых лично им теориях и необходимостью комплексного освещения предмета.

Но более глубокий ответ на возможное решение проблемы политизации дает все тот же М. Блауг, говоря о необходимости показать студентам, «как определенные предубеждения ведут к различным видам анализа, а затем задаться вопросом, сохраняет ли этот анализ свое значение, если его освободить от идеологической подкладки» [11, с. 5]. Конечно, с этим советом можно полностью согласиться, но при этом важно держаться взвешенной, срединной позиции. Есть два вида опасности: «...существует анахронический грех оценки прошлых авторов критериями современной теории, но существует также и то, что Самуэльсон однажды назвал «изошренным анахроническим грехом непризнания адекватного содержания в работах старых авторов из-за того, что они не используют терминологию обозначения нынешнего времени» (цит. по [11, с. 1]).

Но вот здесь опять же преподавателю необходимо показывать, каким образом политизация влияет на воззрения автора обсуждаемой теории и не определяет ли именно «идеологическая подкладка» выводы автора.

Возьмем того же Маркса. Всем нам хорошо известно, что основа марксизма зиждется на теории прибавочной ценности.

Но при этом здравому смыслу противоречит исходная посылка, что любой рабочий с одной и той же квалификацией создает одинаковую сумму прибавочной ценности.

Совершенно очевидно, что, даже если рабочие и получают одну и ту же заработную плату, они не создают одинаковую прибавочную ценность, добывая нефть или крутя гайки на заводе. Более того, даже если рабочие добывают нефть, допустим, в Сибири и на нефтяных полях Ирака, прибавочная ценность будет различной. Маркс не приводит ни одного аргумента, заставляющего поверить в его предположение об одинаковой норме прибавочной стоимости, приходящейся на одного рабочего. Если же отбросить эту посылку, то здание, возведенное Марксом, обрушется.

Другое очевидное противоречие – это марксистское утверждение, что прибавочная стоимость не создается в сфере обращения. Кстати, интересно, что именно теория Маркса о производительном труде, согласно которой услуги исключаются из национального дохода, поскольку носят характер трансфертных платежей, учитывалась на практике при ведении национальных счетов в СССР.

Фактически вышесказанное тесно связано с другой имманентной проблемой экономики – проблемой соотношения теории и практики, теории и реальности. Эта потенциальная проблема связана с понятием рефлексивности. И здесь мы позволим себе остановиться чуть подробнее, поскольку теория рефлексивности знаменитого биржевого спекулянта Дж. Сороса в последние годы активно обсуждается в России. И именно этот критерий – критерий рефлексивности – Сорос предлагает считать разделителем, межой между естественными и общественными науками.

В чем же суть его рассуждений? Восприятие наблюдателем природного объекта не влияет на состояние этого объекта. Как бы геолог ни воспринимал породу, она останется такой же, какой была. Общественные науки изучают общество, частью которого является сам наблюдатель. Поэтому восприятие наблюдателя может изменить само общество. В качестве исторических примеров можно привести религию (изменение общества под влиянием христианства), политику (последствия экономической теории марксизма), науку (влияние А. Эйнштейна). Иначе говоря, рефлексивность — это самовозникающий и самоподдерживающийся, фактически аутопойетический, а значит, естественный процесс в социальной среде, который под влиянием восприятия и ожиданий участников может изменять состояние этой среды. Как раз присутствие этой обратной связи между наблюдателем и объектом наблюдения по Соросу объясняет различие между естественными и общественными науками.

«Явления, изучаемые общественными науками... — пишет Сорос, — имеют мыслящих участников, и это все усложняет. Как я пытался показать, взгляды участников по самой своей природе являются предвзятыми... участники опираются при принятии решений не на объективные условия, а на свою интерпретацию этих условий. Это очень важный момент... Он вводит элемент неопределенности, который делает предмет исследования менее поддающимся тому типу обобщений, предсказаний и объяснений, которые и помогли естественным наукам завоевать свою репутацию...» [12, с. 14].

«Предлагая общую теорию рефлексивности, я, вероятно, зашел слишком далеко и двигался слишком быстро. Я утверждал, что экономическая теория является неверной, а общественные науки представляют собой лишь ложную метафору» [12, с. 17].

Безусловно, это слишком сильное утверждение, хотя вопросом о том, является ли экономика наукой и есть ли в ней прогресс, задавались видные ученые-экономисты. Можно ли полностью согласиться с такой позицией? Пожалуй, наиболее объективный ответ дал М. Блауг за полстолетия до создания Дж. Соросом своей теории: «Никакие предположения об экономическом поведении не являются абсолютно верными на все времена и повсеместно, но будет ли кто-нибудь все-таки отрицать, что в вопросе методов и аналитических построений в экономической науке был достигнут прогресс?» [11, с. 3].

В связи с этим интересно высказывание П. Самуэльсона: «...опыт показывает, что хотя простачки и не достигали успеха ни здесь, ни в любой другой области, все же не нужно быть сверхчеловеком, чтобы плодотворно заниматься предметом, который люди назвали экономической теорией и который находится на полпути между искусством и наукой» [13, с. 9].

Таким образом, эти вопросы уже давно обсуждены. Поэтому идеи Сороса мало дискутируются за рубежом и активно обсуждаются в России. Кто знает, может, мнение управленцев о ненужности экономистов для РФ, а также о том, что менеджеру не обязательно знать экономические основы и т.д., проистекает из обсуждений околонучной средой книги Сороса, например, в Интернете?

Но что означает для преподавателя этот баланс между искусством и наукой? На наш взгляд, конечная цель экономического образования — это не простое накопление знаний. Для того чтобы знания были плодотворны, необходимо научить студентов методологии создания реальных решений в любой ситуации. Джон Мейнард Кейнс говорил, что экономическая теория не дает выводы, непосредственно применимые к политике.

Это метод, а не доктрина, аппарат, техника мышления, который помогает его обладателю сделать правильные выводы. Другими словами, преподавание экономики – это не преподавание набора фактов и определений. Она принципиально отличается тем, что включает в себя обучение способу мышления о проблемах.

Приведем высказывание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике: «Первая задача современной экономической науки состоит в том, чтобы описать, проанализировать и объяснить динамику производства, безработицы, цен и других подобных явлений, а также установить соотношения между ними. Для того чтобы такое описание имело какую-либо ценность, оно должно представлять собой нечто большее, чем ряд бессвязных перечислений. Оно должно быть подчинено определенной системе; именно под этим понимается подлинный анализ» [13, с. 9].

То есть информацию необходимо подавать с точки зрения возможностей анализа и возможностей предсказания. Например, Адам Смит надежно ухватил способ, каким рыночный механизм способен координировать независимые решения продавцов и покупателей, но от него ускользнуло нечто столь принципиальное, как функциональное отношение спроса и цены. Ему никогда не приходило в голо-

ву, что можно точно показать, в каком смысле децентрализованная экономика дает оптимальные результаты, и потребовалась сотня лет, прежде чем Вальрас, Маршалл, Паретто выявили логику суждений Смита о деятельности «невидимой руки» (см., например, построения по М. Блаугу в [11]).

А необходимость освещения исторического и социально-экономического контекста возникающих теорий возможна через призму утверждения, что в конечном счете любая теория ориентирована на прогностическую функцию. Причем прогноз зависит от тех сил, которые оплачивали экономическую науку. Такой подход позволит расширить политическое понимание существующих проблем экономики и социальной сферы современности и построить адекватные пути их решения.

То есть, вопреки утверждениям Дж. Сороса, необходимо показывать студентам, что истина концентрируется в предельном приращении к экономическим знаниям. При этом нужно выстраивать общую логику рассуждений, иллюстрируя, что конкретно каждая теория позволяет сделать в экономическом анализе. Такой подход позволит сформировать грамотных специалистов, способных решать возникающие проблемы, в том числе и связанные с инновационным развитием.

Литература

1. Баранов, С.В. Исследование межрегиональной дифференциации / С.В. Баранов // Экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 113-118.
2. Самарина, В.П. Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов / В.П. Самарина // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1 (25). – С. 300-304.
3. Особенности и сценарии социально-экономического развития современного Севера России. – М.: Экономика, 2010. – 238 с.
4. Юревич, А.В. Динамика психологического состояния современного российского общества / А.В. Юревич // Вестник РАН. – 2009. – № 2 (Т. 79). – С. 112-121.
5. Баранов, С.В. Пространство инноваций: о возможностях и некоторых проблемах инновационного развития: региональный аспект / С.В. Баранов // Креативная экономика. – 2009. – № 4. – С. 81-86.

6. Инновационные технологии и методы обучения в профессиональном образовании // Новые технологии – основа развития профессионального образовательного пространства учебно-научно-производственного комплекса: материалы региональной научно-практической конференции, г. Ливны, 16 марта 2007 г. (секция № 1). – Орел: ОрелГТУ, 2007. – С. 14-64.
7. Инновационные образовательные технологии [Электронный ресурс] // Сайт Дальневосточного института управления, бизнеса и права. – Режим доступа: http://www.diubp.ru/12-innovacionnyje_obrazovatjelnyje_tjekhnologii.html
8. Козлов, А.В. Инновационные образовательные технологии и инновационное образование: сходство и различия [Электронный ресурс] / А.В. Козлов, Т.В. Погребная, О.В. Сидоркина // Вестник ИПК. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://www.kipk.ru/rb-topic.php?t=582>
9. Центр тестирования и развития. Востребованные профессии на рынке труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.proforientator.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=573:2011-03-31-11-46-28&catid=22:2009-11-18-12-54-08
10. Скуфьина, Т.П. Социально-экономическое прогнозирование: проблемы науки и преподавания / Т.П. Скуфьина, С.В. Баранов // Вопросы экономики. – 2005. – № 3. – С. 41-48.
11. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ. – 4-е изд. / М. Блауг. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
12. Сорос, Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1998.
13. Самуэльсон, П. Экономика. – Т. 1 / П. Самуэльсон. – М.: НПО «Алгон», 1992.